

КАТЕГОРИЯ ВИНЫ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И В КОДИФИКАЦИЯХ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН СНГ

Кузнецова Ольга Анатольевна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета

Аннотация: в статье выдвигается и аргументируется тезис о том, что поведенческий подход к вине в гражданском праве ведет к необоснованному смешению понятий вины в форме бездействия, а также к невозможности определения умысла и неосторожности, поскольку последние могут существовать только в категории интеллекта и воли. На основе сравнительного анализа положений гражданского законодательства стран СНГ, положений правовой доктрины и материалов судебной практики, сделан вывод, что понятие вины с учетом существующих межотраслевых связей и зависимостей должно быть унифицировано и базироваться на психологической теории вины.

The summary: in article the thesis that the behavioural approach to fault in civil law conducts to unreasonable mixture of concepts of fault in the form of inactivity, and also to impossibility of definition of intention and imprudence as the last can exist only in an intelligence and will category is put forward and given reason. On the basis of the comparative analysis of positions of the civil legislation of the CIS countries, positions of the legal doctrine and judiciary practice materials, the conclusion is drawn, that the concept of fault taking into account existing interbrain communications and dependences should be unified and be based on the psychological theory of fault.

Поступила 01.10.2012 г.

Вопрос о вине справедливо относится к краеугольным проблемам юридической науки и правотворчества. По общему правилу в правовом государстве привлечение к юридической ответственности возможно только за виновное деяние. В вине, как в определенном внутреннем отношении правонарушителя к собственному поведению и к его результатам, выражается не только отрицательное или легкомысленное отношение к правам и законным интересам других лиц (кредиторов), но и к интересам общества и государства, к праву в целом.

При отсутствии вины (кроме случаев безвиновной ответственности) не наступает правовая ответственность. Неправильное понимание вины может привести как к необоснованному привлечению к ответственности, так и к несправедливому освобождению от нее, что очевидно противоречит основным началам гражданского законодательства¹ и препятствует действию механизма защиты нарушенных гражданских прав².

Кроме того, понятие вины имеет значение для всего института гражданско-правовой ответственности³ и влияет на его категориальный аппарат. Вина содержательно и функционально связана с такими категориями, как противоправность, бездействие, правонарушение, состав правонарушения, условия ответственности и др. От определения вины напрямую зависит определение и этих понятий.

Поэтому представляется крайне важным определиться с подходами к понятию вины и ее диаметранта – невинности.

Актуальность этих вопросов для частного права усиливается тем обстоятельством, что, в отличие от отраслей публичного права, гражданские кодификации стран СНГ не содержат нормы-дефиниции вины, а понятие невинности определяют через объективные признаки бездействия. При этом цивилистическая доктрина содержит как психологическое (субъективное), так и поведенческое (объективное) понятие вины. Несогласованность норм гражданского и иных отраслей права по этому вопросу, а также его полемичность в науке приводит к серьезным судебным ошибкам.

В юридической литературе традиционно выделяют три основные теории вины: опасного состояния, оценочная и психологическая. Они детально разработаны и описаны преимущественно в уголовно-правовой литературе. В теории опасного состояния понятие вины практически полностью подменялось термином «опасное состояние личности», а противоправное деяние воспринималось как проявившийся симптом такого опасного состояния. Эта теория зародилась в уголовном праве и имела существенное влияние в начале становления советской власти, когда в ходу были такие понятия, как «общественно опасный элемент»,

¹ Бондаренко Н.Л. Основные начала гражданского законодательства Республики Беларусь: критический анализ статьи 2 Гражданского кодекса // Третий пермский конгресс ученых юристов: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. О.А. Кузнецова. Пермь, 2012. – С. 46–47; Комиссарова Е.Г. Об основных началах гражданского законодательства // Журнал российского права. – 2001. – № 5. – С. 13–21.

² Кодиркулов Х.Р. К вопросу о праве на защиту гражданских прав // 10 лет Гражданскому кодексу Республики Таджикистан. – Душанбе: Ирфон, 2010. – С. 171–184.

³ Кузнецова Н.С. Гражданско-правовая ответственность: понятие, условия и механизм применения // Ежегодник украинского права. – 2011. – № 3. – С. 119–132.

«классовый враг» и т.д. В современном праве теория опасного состояния подвергнута всевозможной справедливой критике.

Оценочная теория вины заключается в том, что вина отрицается как реально существующее самостоятельное психологическое явление; не делается попыток установить реальное психическое (субъективное) отношение лица к своему общественно опасному деянию и его последствиям; вина лица за совершенное деяние сводится к ее оценочной характеристике судом. Эта теория привела к замене понятия вины как объективной категории субъективным суждением судьи о виновности подсудимого⁴.

Психологическая теория рассматривает вину как реально существующее психологическое явление, требует от правоприменителя устанавливать действительное субъективное отношение лица к содеянному и его последствиям, опирается на такие психологические категории, как сознание и воля, которые являются основными элементами вины. Основателем психологической школы вины в уголовно-правовой науке является А.А. Пионтковский, который понимал под виной «психическое отношение вменяемого лица к учиненному им преступному деянию в форме умысла или неосторожности»⁵. Именно это определение вины взято за основу в российской правовой науке.

В теории права под виной понимают «психическое отношение лица к своему противоправному поведению (т.е. действию или бездействию), и к его результату, основанное на возможности предвидения и предотвращения последствий этого поведения»⁶. Алексеев С.С. определяет вину как психическое отношение правонарушителя к деянию и его результату в форме умысла и неосторожности⁷. Сырых В.М. пишет, что вина характеризует психическое отношение субъекта к ожидаемым результатам и последствиям противоправного деяния и выражается в двух формах – умысле и неосторожности⁸. Аналогичное понятие дает и А.Ф. Вишневский, определяя вину как психическое отношение субъекта к своему действию (бездействию), к его результатам⁹.

Морозова Л.А. отмечает: «Вину принято определять через психическое отношение лица к своему поведению и обусловленному им последствиям или к содеянному»¹⁰. Марченко М.Н. обращает внимание на то, что «вина означает понимание или осознание лицом противоправности (недопустимости) своего поведения и возникающих при этом последствий»¹¹.

Этот же подход к вине принят и в науках уголовного и административного права.

Так, в учебнике по уголовному праву под редакцией В.Ю. Малаховой вина определяется как «психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности»¹². Данное определение вины в уголовно-правовой литературе формулируется повсеместно¹³.

Психологическая теория вины нашла свое воплощение и в отечественных отраслевых кодифицированных актах через определение понятия невиновности.

Согласно статье 28 УК Российской Федерации:

⁴ Оценочная теория вины была разработана Б.С. Утевским. См.: Утевский Б.С. Вина в советском уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1950. – 320 с.

⁵ Курс советского уголовного права: В 6 т. – М.: Наука, 1970. – Т. 2. – С. 288.

⁶ Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учеб. для вузов. – М.: Спарк, 2000. – С. 396.

⁷ Алексеев С.С. Государство и право: Учеб. пособ. – М.: ТК Велби; Проспект, 2006. – С. 60.

⁸ Сырых В.М. Теория государства и права: Учеб. – М.: Юстицинформ, 2004. – С. 391.

⁹ Вишневский А.Ф. Общая теория государства и права: Курс лекций. – Минск: Тесей, 2012. – С. 287. Аналогичное определение вины см.: Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учеб. – М.: Омега-Л, 2009. – С. 539.

¹⁰ Морозова Л.А. Теория государства и права: Учеб. – М.: Эксмо, 2009. – С. 387.

¹¹ Марченко М.Н. Теория государства и права: Учеб. – М.: Проспект, 2011. – С. 625. См., также: Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: Учеб. – М.: ТК Велби; Проспект, 2008. – С. 701.

¹² Уголовное право: Общая и Особенная части: Учеб. / Под ред. В.Ю. Малаховой. М.: Эксмо, 2011. – С. 120.

¹³ Уголовное право: Общая часть: Учеб. / отв. ред. И.Я. Козаченко. – М.: Норма, 2009. – С. 275; Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций: В 3 т. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – Т. 1. – С. 365; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. А.В. Бриллиантова. – М.: Проспект, 2010. – С. 69; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.И. Радченко; науч. ред. А.С. Михлин, В.А. Казакова. – М.: Проспект, 2010. – С. 29; Стрилец О.В. Принцип вины и проблемы его реализации в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – 25 с.

1. Деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть.

2. Деяние признается также совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

Аналогичная норма закреплена в ст. 2.2. КоАП Российской Федерации:

1. Административное правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало противоправный характер своего действия (бездействия), предвидело его вредные последствия и желало наступления таких последствий, или сознательно их допускало либо относилось к ним безразлично.

2. Административное правонарушение признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления вредных последствий своего действия (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение таких последствий либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть.

Таким образом, в самом общем виде, лицо предполагается виновным в следующих случаях:

– если оно осознавало и могло осознавать общественную вредность и противоправность деяния (в формальных составах правонарушений);

– предвидело возможность общественно вредных последствий, должно или могло было их предвидеть (в материальных составах правонарушений);

– предвидело возможность наступления общественно вредных последствий и могло их предотвратить (в материальных составах правонарушений).

Во всех случаях речь идет об осознании либо предвидении лица, т.е. о психических категориях. Осознание и предвидение характеризуют процессы, протекающие в сфере сознания лица, и поэтому являются признаками интеллектуального элемента вины.

Осознание общественной вредности и противоправности совершаемого деяния – это понимание его фактического содержания, общественного значения и того, что оно противоречит нормам права. Отражение всех этих обстоятельств в сознании виновного дает ему возможность осознать объективную направленность деяния на определенные социальные блага, его вредность для существующих общественных отношений. Осознание противоправности и общественной вредности деяния не требует, как правило, специального доказывания, поскольку способность осознавать социальное значение своих поступков присуща большинству лиц на основе их жизненного опыта и приобретенных знаний.

Предвидение – это отражение в сознании тех событий, которые произойдут, должны или могут произойти в будущем. Оно означает мысленное представление виновного о том вреде, который причинит или может причинить его деяние общественным отношениям.

Однако у вины, помимо интеллектуального, есть и второй – волевой элемент, который характеризует направленность воли субъекта на совершение правонарушения и наступления вредоносного результата. Волевой элемент вины может выражаться в желании причинения вреда (прямой умысел), в безразличном отношении к вреду (косвенный умысел), в недостаточном стремлении не допустить вред (легкомыслие), в отсутствие волевых актов, направленных на предотвращение вреда (небрежность).

Вышеизложенное представляет собой тезисное изложение представления о вине, традиционно существующего в теории права и в уголовном и административном праве.

В доктрине советского гражданского права охотно использовались общеправовое понятие вины и его психологическая сущность. Приведем лишь несколько цитат по этому вопросу.

Грибанов В.П. писал: «<....> под виной в гражданском праве понимается психическое отношение лица к своему противоправному поведению и к его результату, основанное на возможности предвидения и предотвращения последствий этого поведения»¹⁴.

Матвеев Г.К. определял вину как психическое отношение нарушителя гражданского правопорядка в форме умысла или неосторожности к совершенному им противоправному действию и его последствиям¹⁵.

Малеин Н.С. отмечал: «Вина как психическое отношение к действиям и их последствиям представляет собой субъективный момент, связываемый обычно с поведением отдельного конкретного лица <....>»¹⁶.

Подчеркивалось также, что вина является именно субъективным основанием ответственности¹⁷.

Психологический подход к вине присутствует и в современных исследованиях по гражданскому праву. Так, А.П. Сергеев пишет о вине следующее: «В этом субъективном условии ответственности находит свое выражение психическое отношение лица к совершенному им противоправному поведению и наступившим в результате этого последствиям»¹⁸.

«Вина неразрывно связана с сознанием и волей человека. Вне сознания и воли человека не может быть вины и ответственности. Она неразрывно связана и с деликтоспособностью субъекта. Психическое отношение возможно лишь у субъекта, обладающего свободой выбора вариантов поведения, свободой воли. Признаки, характеризующие вину (сознание, осознание, воля), характеризуют и субъекта правонарушения, т. к. вины нет у того субъекта, который не обладает указанными признаками. Вина – это психическое отношение, и возможно оно лишь в рамках сознания субъекта. Вина отражает связь внутреннего мира человека с внешним деянием, так как каким бы психическое отношение ни было порочным, оно безразлично для юридической ответственности, пока не опредметится в деянии субъекта»¹⁹.

Комментаторы ГК Украины отмечают, что «вина в гражданском праве определяется как психическое отношение лица к своему противоправному поведению и его последствиям»²⁰.

Однако общеправовые, межотраслевые и гражданско-правовые научные представления о вине как о психическом отношении к противоправному поведению и его результатам не в полной мере корреспондируют действующим нормам гражданского законодательства стран СНГ.

Согласно ст. 401 ГК Российской Федерации лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства. Аналогичное определение в ст. 372 ГК Республики Беларусь.

В ГК Республики Казахстан должник признается невиновным, если докажет, что он принял все

¹⁴ Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей // Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2001. – С. 338–339.

¹⁵ Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. – Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1955. – С. 178.

¹⁶ Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. – М.: Наука, 1968. – С. 48.

¹⁷ Кофман В.И. Причинная связь как основание ответственности по советскому гражданскому праву // Кофман В.И. Избранные труды по гражданскому и хозяйственному праву. – Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2011. – С. 64.

¹⁸ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учебно-практический комментарий (постатейный) / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2010. – С. 821.

¹⁹ Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности в системе принципов права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001. – С. 11–12.

²⁰ Гражданский кодекс Украины: Науч.-практ. комментарий / Под ред. Е.О. Харитоновой. – Харьков: Одиссей, 2007. – С. 654.

зависящие от него меры для надлежащего исполнения обязательства (ст. 359). Аналогичное определение закреплено в ст. 614 ГК Украины.

Таким образом, если невиновность определяется в теории права и в отраслях публичного права как неосознавание, непредвидение, психофизиологическая неспособность предотвращения последствий (т.е. именно через внутренние психологические характеристики), то в гражданском праве – как совершение некоторых действий (т.е. через внешние характеристики).

Морозова Л.А. пишет, что вина в гражданском праве – это «непринятие мер для надлежащего исполнения обязательства с той степенью заботливости и осмотрительности, которая требовалась от него по характеру обязательства и условиям оборота»²¹.

Обратим внимание, что из такого понимания вины невозможно сформулировать понятия ни умысла, ни неосторожности, хотя в ст. 401 ГК Российской Федерации, ст. 372 ГК Республики Беларусь, ст. 448.1 ГК Азербайджанской Республики упоминается, что вина может существовать только в этих двух формах.

Такое понимание вины в кодифицированных актах привело к тому, что стали говорить о том, что вина в гражданском праве является не субъективным, а объективным условием ответственности.

Так, Е.А. Суханов пишет: «<...> вина в гражданском праве, по общему правилу, рассматривается не как субъективное, психическое отношение лица к своему поведению, а как непринятие им объективно возможных мер по устранению или недопущению отрицательных результатов своих действий, диктуемых обстоятельствами конкретной ситуации»²². Следствием объективистского понимания вины стало то, что в правоприменительной деятельности нередко смешиваются признаки вины и противоправности. Приведем несколько известных примеров из российской правоприменительной практики.

Арбитражный суд, рассматривая спор о привлечении к ответственности доверительного управляющего, сделал следующий вывод: «причинная связь между действиями (либо бездействием) доверительного управляющего и неблагоприятными имущественными последствиями, равно как противоправность поведения доверительного управляющего, которая состоит в неисполнении или ненадлежащим исполнении им своих обязанностей по договору, т.е. в не проявлении должной заботливости об интересах, обозначенных в договоре, должна быть доказана стороной, требующей соответствующего возмещения»²³. Мы видим, что суд пишет о противоправности как о неисполнении обязательства в виде не проявления должных мер для его исполнения.

Согласно ст. 401 ГК Российской Федерации, ст. 372 ГК Республики Беларусь, ст. 359 ГК РК не проявление таких мер является характеристикой вины, а не противоправности.

Однако стоит отметить, что суд здесь намного ближе к истине, чем законодатель: неисполнение обязанности и не проявление должной заботливости – это характеристики противоправности, а не вины и должны быть доказаны истцом, тогда как отсутствие вины доказывается ответчиком.

Приведем еще один пример смешения признаков противоправности и вины.

ОАО обратилось в Арбитражный суд с иском к Отделу вневедомственной охраны при УВД о взыскании ущерба, причиненного кражей автозапчастей. Суд первой инстанции, установив факт ненадлежащей охраны объекта работниками Отдела вневедомственной охраны, что явилось причиной совершения кражи, иск удовлетворил. Постановлением апелляционной инстанции решение оставлено без изменения.

²¹ Морозова Л.А. – Указ. соч. – С. 387.

²² Российское гражданское право: Учеб.: В 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2010. – Т. 1. – С. 463. См., также: Захарова О.Н. Непреодолимая сила и гражданско-правовая ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2005. – С. 19.

²³ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 9 февраля 2010 г. по делу № А56-15610/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

Кассационная инстанция, соглашаясь с этими актами, отметила также следующее: «Условиями договора предусмотрена презумпция вины охраны, т.е. она освобождается от имущественной ответственности лишь в случаях, когда докажет отсутствие своей вины.

Между тем таких доказательств ответчиком не представлено. Напротив, из имеющихся в материалах дела документов следует, что сторож Петрова Н.В., дежурившая в ночь с 25 на 26 июня, свои должностные обязанности исполняла ненадлежащим образом.

В нарушение требований Инструкции о внутриобъектовом режиме на охраняемом объекте, предписывавшей работнику охраны постоянно обходить охраняемый объект, такие обходы работником ответчика совершались нерегулярно. В результате на территорию предприятия проникли лица, совершившие хищение.

Вышеизложенное свидетельствует о ненадлежащем исполнении ответчиком договорных обязательств»²⁴.

Таким образом, суд устанавливал вину ответчика через выявление признаков, свидетельствующих о противоправности деяния (ненадлежащем исполнении договорных обязательств).

Действительно, принятие мер к исполнению обязательства относится к объективной стороне правонарушения. Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства совершается в форме бездействия. Ненадлежащее исполнение – это в принципе то же бездействие в виде неполного, несвоевременного, неправильного, неточного исполнения, это неисполнение надлежащим образом.

Согласно общеправовому учению о бездействии, юридическая ответственность за него наступает, если лицо могло и должно было исполнить ту или иную обязанность.

Обратимся к определению бездействия в уголовном праве: «Для привлечения к уголовной ответственности за преступное бездействие необходимо иметь в виду не только характер и содержание преступного поведения, но и точно определить границы бездействия, при установлении которых необходимо учитывать следующие обстоятельства: а) обязанность лица выполнить определенное действие; б) возможность совершить его в данных условиях; в) невыполнение лицом тех действий, которые от него требуются <....>»²⁵.

Таким образом, противоправное бездействие – это несовершение лицом действий, которые оно должно было и могло совершить. Именно это мы видим в содержании ст. 401 ГК Российской Федерации, ст. 372 ГК Республики Беларусь, ст. 359 ГК РК при определении невинности, которая предлагает устанавливать виновность через оценку принятия или непринятия мер (действий) для исполнения обязательства.

При этом, подчеркнем, в теории права несовершение действий, которые лицо должно было и могло совершить, свидетельствует о юридически значимом бездействии, а не о вине лица. Здесь не следует также путать признаки бездействия и небрежности как формы вины. При совершении небрежного правонарушения лицо должно было и могло *предвидеть последствия*, а не *совершить действия*, как и бездействие.

Другими словами, если правоприменительный орган установит, что лицо не должно было (объективные факторы) или не могло (субъективные факторы) выполнить обязанность, то констатируется отсутствие противоправного бездействия, и, как следствие, отсутствие объективной стороны, а не вины как субъективной стороны состава правонарушения.

Поэтому нормативное определение невинности в действующих гражданско-правовых кодифицированных актах противоречит психологическому пониманию вины в теории права, раскрывается через признаки юридически значимого бездействия, а не через интеллектуальный и волевой признаки вины.

²⁴ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 3 апреля 2001 г. по делу № А31-2400/3 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Уголовное право: Общая и Особенная части: Учеб. для вузов // Под ред. Н.Г. Кадникова. – М.: Городец, 2006. – С. 39.

Такая ситуация заставляет суды искусственно и необоснованно «включать» объективные признаки бездействия в понятие вины лица.

Так, суды, отказывая во взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами с бюджетных учреждений, указывали на их невиновность в связи с невыделением собственником имущества соответствующих средств: «Должник, будучи некоммерческой организацией, признается невиновным, если докажет, что он принял все зависящие от него меры для исполнения договорной обязанности».

Невыделение бюджетных средств учреждению, которое по статусу не вправе осуществлять предпринимательскую деятельность, а потому лишено иных источников доходов, может служить основанием для освобождения его от ответственности за неисполнение денежного обязательства <....>²⁶.

В таких случаях следует говорить о том, что лицо, бездействуя (не уплачивая денежные средства), должно было в силу требований закона и договора исполнить обязательство, но не могло это сделать в силу субъективных особенностей (неперечисления собственником денежных средств, запрета предпринимательской деятельности, отсутствия в связи с этим других доходов). Следовательно, противоправное бездействие отсутствует, и именно по этой причине исключается гражданско-правовая ответственность.

В связи с этим, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от лица требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно не должно было или не могло принять все меры для надлежащего исполнения обязательства, то это свидетельствует об отсутствии противоправности, а не вины.

Вина, как и невиновность, может определяться исключительно через категории осознания, предвидения (интеллектуальные признаки вины) и желания, нежелания, допущения последствий (волевые признаки вины), иначе это уже не вина, а какое-либо иное понятие.

Безусловно, правоприменительные органы, разрешая гражданские дела, пытаются выйти на психологическое понимание вины.

По одному из дел арбитражный суд сформулировал следующую правовую позицию: «Согласно п. 2 ст. 401 ГК Российской Федерации отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство, т.е. именно данное лицо должно доказать, что оно не должно было и не могло предвидеть наступления <....> последствий»²⁷.

Однако с учетом буквального толкования ст. 401 ГК Российской Федерации для привлечения к ответственности за нарушение обязательства юридически безразлично, осознавало ли лицо противоправность и общественную вредность деяния, предвидело ли наступление последствий. Термины «предвидение последствий», «осознавание противоправности», «желание последствий» гражданское законодательство вообще не содержит.

Все попытки судов использовать именно психологическое понимание вины не находят, за редкими исключениями, нормативной поддержки. Приведем пример такого исключения из текста российского ГК. Статья 1472 ГК Российской Федерации устанавливает, что лицо, которое использовало секрет производства и не знало и не должно было знать о том, что его использование незаконно, в том числе в связи с тем, что оно получило доступ к секрету производства случайно или по ошибке, не несет ответственность за убытки. Таким образом, в этом случае лицо не будет привлечено к гражданско-правовой ответственности, если «не знало и не должно было знать о противоправности своего деяния».

Осознавание лицом противоправности и общественной вредности своего поведения, а также

²⁶ ФАС Волго-Вятского округа «Обобщение практики применения статьи 120 Гражданского кодекса Российской Федерации в части привлечения к субсидиарной ответственности собственника учреждения»// СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Постановление Семнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 11 февраля 2010 г. № 17АП-12819/2009-ГК по делу № А50-17104/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

См также: Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 февраля 2010 г. № 17АП-12786/2009-ГК по делу № А50-20763/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

предвидение его последствий – характеристики интеллектуального элемента вины.

По общему правилу, осознание противоправности не требует специального доказывания, поскольку большинство участников гражданского оборота понимают фактическое содержание и общественное значение своего гражданского правонарушения (например, неплатежа по договору) с учетом жизненного опыта и приобретенных знаний.

Доказать, что лицо не осознавало и не могло по обстоятельствам дела осознавать противоправности по гражданским делам, крайне сложно. Однако это практически единственная возможность доказать свою невиновность в правонарушениях с формальным составом.

Приведем пример из судебной практики.

Так ОАО обратилось с иском о взыскании с ТОО задолженности в связи с невыполнением обязательств. Требования истца основаны на договоре взаимной поставки товаров, в соответствии с которым ОАО обязано поставить фурнитуру, а ТОО принять указанный товар в обмен на мебель своего производства. Во исполнение договорных обязательств поставщик выполнил свои обязательства, поставив покупателю фурнитуру.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении иска отказано, поскольку суд пришел к выводу о надлежащем исполнении должником обязанности по поставке мебели, приняв в качестве доказательства по делу доверенность, на основании которой по товарно-транспортной накладной истцом получена мебель.

Постановлением апелляционной инстанции решение отменено и исковые требования ОАО удовлетворены в полном объеме, поскольку заключением эксперта было установлено, что подписи в доверенности выполнены не руководителем и бухгалтером ОАО, а другими лицами. В связи с этим суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что факт получения мебели истцом по такой доверенности не доказан, обязательство по поставке мебели было произведено ТОО лицу, не являющемуся его кредитором.

Кассационная инстанция поддержала выводы апелляционной инстанции, дополнив их следующим: «В силу п. 2 ст. 401 ГК Российской Федерации презумпция вины лежит на должнике. Именно он должен доказать, что передача мебели ненадлежащему получателю явилась результатом умысла или грубой неосторожности со стороны кредитора. Такие доказательства в материалах дела отсутствуют. Допущенная неосторожность в поведении ответчика является правовым основанием для возложения на него ответственности за выявленное правонарушение»²⁸.

Проанализируем судебные решения по данному делу. Однако следует оговориться, что участниками договора являлись предприниматели, для которых законодательство устанавливает безвиновную ответственность (что, к сожалению, часто не учитывается судами), поэтому все нижеследующие рассуждения о вине имеют значение только в непредпринимательских отношениях.

Ответчик совершил противоправное поведение – не поставил мебель (не исполнил соответствующее обязательство по договору). Однако он не осознавал противоправности своего поведения, поскольку считал, что исполнил это обязательство, передав его по доверенности, которая, как выяснилось впоследствии, оказалась фиктивной. А вот вопрос о том, мог ли он по обстоятельствам дела осознавать противоправность своего поведения, т.е. была ли у него возможность определить фиктивность доверенности, судами вообще не выяснялся. Судом кассационной инстанции допущено очевидное неверное толкование ст. 401 ГК Российской Федерации – она не предусматривает, что единственным доказательством невиновности ответчика является доказательство им умысла или грубой неосторожности истца (кредитора).

Важно также отметить, что многие гражданские правонарушения, особенно договорные – это правонарушения с формальным составом, поэтому оценка предвидения вредных последствий для них

²⁸ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 17 июля 2001 г. по делу № А11-4382/98-Е-9/257 // СПС «КонсультантПлюс».

юридически излишня.

В правонарушении с формальным составом интеллектуальный элемент вины состоит в осознании противоправности деяния и лицо невиновно, если будет доказано, что оно не осознавало и не могло осознавать противоправность своего деяния.

Предвидение последствий противоправного поведения как признак интеллектуального элемента вины в праве имеет значение только в правонарушениях с материальным составом – это причинение убытков (в договорных отношениях) или вреда (в деликтных отношениях).

Интеллектуальный элемент вины в правонарушениях с материальным составом заключается в осознании противоправности и причинной связи деяния с убытками (вреда), а также в предвидении убытков (вреда). В таких правонарушениях лицо признается невиновным, если оно не осознавало и не могло осознавать противоправности (неправомерности своего поведения) деяния либо осознавало противоправность деяния, но не предвидело, не могло и не должно было предвидеть вред.

В первом случае доказательство неосознания противоправности исключает предвидение вредных последствий, и поэтому последнее не нуждается в самостоятельном доказывании.

Так, Территориальное управление Федерального агентства по управлению федеральным имуществом обратилось с иском к ООО с требованием о взыскании убытков, составляющих стоимость земельного участка и образовавшихся от незаконного строительства жилого многоквартирного дома на данном земельном участке, находящемся в федеральной собственности и предоставленном в постоянное (бессрочное) пользование учреждению Министерства обороны – Читинской КЭЧ.

Решением суда исковые требования удовлетворены полностью. Постановлением апелляционного суда решение оставлено без изменения.

Однако суд кассационной инстанции отменил указанные акты и в иске отказал, установив следующее.

ООО осуществляло строительство на основании договора о сотрудничестве, который впоследствии был признан незаключенным, а распоряжение главы администрации города «Об утверждении акта выбора земельного участка» отменено.

Одним из оснований к отказу в иске явилось отсутствие вины ответчика в спорном правоотношении.

В постановлении кассационной инстанции указано, что наличие или отсутствие вины следует определять на момент совершения действий, повлекших причинение убытков. В данном случае таким моментом являлось подписание договора о сотрудничестве и начало проведения строительных работ, поскольку именно с этого момента земельный участок был занят строящимся объектом недвижимости, что повлекло нарушение прав истца.

Ответчик, возражая против заявленных требований, указал, что на момент подписания договора о сотрудничестве и начала строительства, т.е. до того, как указанный договор был признан незаключенным, распоряжение главы администрации «Об утверждении акта выбора земельного участка» было отменено, Читинская КЭЧ, выступая как заказчик, обладало всеми необходимыми документами, достаточными для организации и проведения строительства многоквартирного жилого дома, предусмотренными законодательством Российской Федерации.

При таких обстоятельствах суд пришел к выводу о том, что ответчик доказал отсутствие своей вины в причинении убытков в виде реального ущерба, связанного с фактической утратой земельного участка истцом²⁹.

²⁹ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 11 января 2008 г. № А78-3157/07-Ф02-9558/07 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, ответчик на момент совершения правонарушения не осознавал и не мог осознавать противоправности своего деяния (строительства без надлежащих разрешений). В таких случаях предвидение или непредвидение возможных убытков юридически безразлично.

Второй элемент понятия вины – волевой. Одним из первых волю в гражданском праве определил В.А. Ойгензихт как «психическое регулирование поведения, заключающееся в детерминированном и мотивированном желании <...> цели, в выборе решения, разработке путей, средств и применения усилий для их осуществления»³⁰. В современной литературе по гражданскому праву волю определяют как «внутренний психический процесс, результатом которого является совершение юридического действия, регулируемого гражданским правом»³¹.

В правонарушениях с материальным составом воля в вине проявляется в желании причинить вред (прямой умысел), в безразличном отношении к вреду (косвенный умысел), в стремлении недопущения вреда (легкомыслие), в отсутствии актов, направленных на предотвращение вреда (небрежность).

Волевой элемент в умышленных правонарушениях проявляется в том, что лицо сознательно направляло усилия на достижение противоправного результата (желание).

Волевой элемент в неосторожных правонарушениях заключается в том, что лицо не направляло необходимые усилия на предотвращение результата, хотя должно было и могло это сделать (нежелание).

В правонарушениях с формальным составом наличие вреда не является обязательным элементом правонарушения, поэтому определять в них волю в вине через отношение лица к какому-либо объективированному вреду нецелесообразно.

Сенина Ю.Л. высказала мнение, что «вину следует определять как психическое отношение лица к своему противоправному поведению. Субъект либо желает достижения определенного противоправного результата (умышленная форма вины), либо, осознавая возможность наступления противоправного результата, не предпринимает никаких действий, чтобы его предотвратить (грубая неосторожность), или совершает незначительные попытки не допустить противоправный результат (простая неосторожность)»³².

Недостаток такого понимания форм вины применительно к правонарушениям с формальным составом заключается в том, что если под противоправным результатом понимать исключительно убытки, которые в таких правонарушениях как элемент состава отсутствуют, то, как следствие, желание, нежелание, непредотвращение противоправного результата юридического значения не имеют.

Наиболее верным решением этой проблемы, на наш взгляд, должно быть понимание в этой ситуации противоправного результата не как какого-либо реального вреда, а как неисполнения обязательства. Несвоевременная оплата по договору является, с одной стороны, противоправным деянием должника в форме бездействия, с другой стороны, противоправным результатом (нарушением договора). В таком понимании противоправное поведение и результат формально совпадают. Однако такой подход позволяет нам обнаружить волю в правонарушениях с формальным составом. В таких правонарушениях противоправный результат в виде убытков (вреда) не имеет юридического значения, не нуждается в самостоятельном доказывании, однако это не означает, что он отсутствует.

Например, просрочка по договору может быть допущена умышленно или по неосторожности: возможно, должник желал не исполнять обязательство, т.е. намеренно никаких волевых усилий не предпринимал, например, для своевременной оплаты по договору (умысел), возможно, не желал, предпринимал какие-то усилия для исполнения обязательства, но не все, которые он должен был и мог

³⁰ Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление (Очерки теории, философии и психологии права). – Душанбе: Ирфон, 1983. – С. 24.

³¹ Сенина Ю.Л. Категория воли в гражданском праве России: в аспекте гражданско-правовой сделки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2006. – С. 6.

³² Там же. – С. 6–7.

совершить для исполнения обязательства (неосторожность).

Большинство гражданских правонарушений с формальным составом совершаются по неосторожности – лицо либо стремилось не допустить противоправный результат (исполнить обязательство), но предпринятые меры оказались недостаточными, либо не совершало никаких волевых актов, направленных на предотвращение противоправного результата (исполнение обязательства), хотя должно было и могло их совершать.

Примеры умышленного совершения гражданского правонарушения крайне редки. Проиллюстрируем умышленную форму вины следующим делом.

ООО обратилось в суд с иском к двум ответчикам о взыскании солидарно убытков, причиненных истцу сносом принадлежащего ему гаража.

Гараж принадлежал на праве собственности Обществу. Земельный участок под гаражом площадью 1485 кв. метров был предоставлен на праве аренды. Гараж был демонтирован ответчиками при выполнении работ по реконструкции стадиона, порученных ответчикам по государственному контракту.

Суды первых трех инстанций, признавая заявленный иск необоснованным, исходили из того, что поручение о сносе гаража было дано министерством – заказчиком по реконструкции стадиона, и это исключает наличие вины в действиях ответчиков.

Однако ВАС Российской Федерации исковые требования удовлетворил, указав на следующее.

Пунктом 1 ст. 1064 ГК Российской Федерации предусмотрено, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред.

Суд при рассмотрении требования о возмещении внедоговорного вреда должен установить наличие вреда и его размер, противоправность поведения лица, причинившего вред, причинную связь между наступившими убытками и действиями (бездействием) причинителя вреда, а также его вину, за исключением случаев, когда ответственность наступает без вины.

Суды, не опровергая факта наступления у истца убытков, вместе с тем, сославшись на п. 2 ст. 1064 ГК Российской Федерации, не усмотрели в их поведении вины – необходимого условия для возмещения убытков. Из данной нормы права следует, что лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине.

Однако данный вывод об отсутствии вины ответчиков сделан судами без учета того, что закон, исходя из презумпции вины причинителя вреда и освобождения потерпевшего от доказывания его вины, преследует определенную цель – обеспечить тем самым восстановление имущественных прав потерпевшего лица.

«Суды, сославшись на снос гаража по заданию заказчика, не приняли во внимание того, что ответчики, исполняя это задание, влекущее гибель объекта недвижимости как очевидный факт и последующее прекращение права собственности на него, не оценили возможность его выполнения без нарушения законов, охраняющих право частной собственности, а также принцип генерального деликта (всякое причинение вреда презюмируется противоправным).

При указанных обстоятельствах и в отсутствие доказательств, свидетельствующих о проявлении ответчиками должной степени заботливости и осмотрительности при демонтаже гаража, вывод судов об отсутствии в их действиях вины не может быть признан обоснованным.

Поскольку причинение вреда другим лицам, в том числе при выполнении своих обязательств перед контрагентами, является недопустимым, нарушенные при этом права потерпевшего подлежат

восстановлению в виде возмещения причиненных этому лицу убытков»³³.

Таким образом, суд установил, что ответчики, производя снос гаража, осознавали и могли сознавать противоправность своих действий (исходя из принципа генерального деликта) и желали причинения вреда, т.е. совершил деяние умышленно.

Таким образом, вина правонарушителя – это интеллектуально-волевое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому противоправному деянию и его результату. Понятие вины с учетом существующих межотраслевых связей и зависимостей должно быть в праве унифицировано и базироваться на психологической теории вины.

Поведенческий подход к вине в гражданском праве ведет к необоснованному смешению понятий вины и противоправности в форме бездействия, а также к невозможности определения умысла и неосторожности, поскольку последние могут существовать только в категория интеллекта и воли.

Интеллектуально-волевой подход к вине позволяет дефинировать формы вины в гражданском праве.

Гражданское правонарушение признается совершенным умышленно, если лицо осознавало противоправность своего деяния, предвидело противоправный результат, желало его наступления либо относилось к нему безразлично.

Гражданское правонарушение признается совершенным по неосторожности, если лицо осознавало противоправность своего деяния, предвидело возможность наступления противоправного результата, но безосновательно рассчитывало на его предотвращение либо не предвидело, но при необходимой внимательности и осмотрительности должно было и могло предвидеть.

³³ Постановление Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 4515/10 // СПС «КонсультантПлюс».